

Ф. А. Лукьянов

БЛЕСК И НИЩЕТА АЛЬЯНСА. КАК АТЛАНТИЗМ ВЫИГРАЛ ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ И СДЕЛАЛ ЕЕ ВЕЧНОЙ

Думаю, это начало новой холодной войны. Постепенно русские будут реагировать все более враждебно, и это повлияет на их политику. Это трагическая ошибка. Для этого не было никакой нужды. Никто больше никому не угрожал... Мы взяли обязательство защищать целый ряд стран, при том что у нас нет ни ресурсов, ни намерения делать это сколько-нибудь серьезным образом.

*Джордж Кеннан
о расширении НАТО,
The New York Times,
2 мая 1998 г.¹*

Хиллари Клинтон, кандидат в президенты США от Демократической партии, выступила в конце августа 2016 г. с программной речью в Рино (штат Невада). Она обрушилась с резкой критикой на «альтернативный консерватизм», представителем которого назвала своего соперника-республиканца Дональда Трампа. По версии Клинтон, эта «альтернатива» потворствует наиболее низменным человеческим и политическим инстинктам — нетерпимости, ксенофобии, расизму, сексизму. «И верховным крестным отцом этого нового глобального направления крайнего национализма является президент России Владимир Путин», — провозгласила она². Два с небольшим месяца спустя американский

---

¹ *Friedman Th. L.* Foreign Affairs; Now a Word From X // The New York Times. 1998. May 2. URL: <http://www.nytimes.com/1998/05/02/opinion/foreign-affairs-now-a-word-from-x.html> (accessed date: 21.12.2016).

² *Ohlheiser A., Dewey C.* Hillary Clinton's alt-right speech, annotated // The Washington Post. August 25, 2016 URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/08/25/hillary-clintons-alt-right-speech-annotated/> (accessed date: 21.12.2016).

истеблишмент оказался в ловушке собственных заявлений — получилось, что народ Америки проголосовал не просто за все перечисленные низменные инстинкты, но и не испугался того, что их выразителем стал «ставленник» Путина.

Избирательную риторику можно было бы не принимать во внимание — у всякого шоу свои законы, особенно в Соединенных Штатах, где жанр имеет очень богатые традиции. Но кампания 2016 г. стала квинтэссенцией, хотя зачатую и в карикатурном виде, тех проблем и противоречий, которые накопились в мире за четверть века со времени распада Советского Союза и конца прежней, относительно прочной и упорядоченной, по крайней мере — понятной, международной системы.

Тот факт, что как раз сейчас у всех на устах оказалась Россия, весьма показателен. Глобальное устройство, которое, как полагали, заменит модель холодной войны, начиналось с исчезновения Москвы в качестве столицы одной из сверхдержав. Серьезным провалом этой модели стала неспособность «абсорбировать» Россию, хотя довольно долго считалось, что эта задача не настолько значима, чтобы уделять ей первоочередное внимание. Ну а резкое повышение международной активности и амбиций России стало не причиной, но эффективным катализатором кризиса схемы, на действенность которой рассчитывали на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого столетия.

В некотором смысле оппоненты Кремля правы — российский лидер олицетворяет совершенно иное видение глобального порядка, чем то, которое на Западе считалось едва ли не аксиомой, как минимум, до конца «нулевых» годов. И вопрос тут не только и не столько в амбициях России и конкретных политических руководителей, сколько в полемике относительно принципов, на которых должны и могут строиться отношения между государствами и мировое управление. И ключевой является роль Соединенных Штатов, поскольку с окончания холодной войны мировоззрение именно этой страны определяло основные процессы на международной арене.

Клинич времен холодной войны, когда друг другу противостояли две Организации — Североатлантического и Варшавского договора, завершился в 1991 г. после официального роспуска ОВД. Однако тень этой конфронтации упала на последующие 25 лет, поскольку стержнем нового мирового устройства стала НАТО, та самая структура, которая пережила оппонента, но продолжила существование с намерением обрести новую миссию. Спустя четверть века новая миссия оказалась старой, а с возвращением прежнего целеполагания под вопрос поставлена и судьба всего «нового мирового порядка», как будто бы возникшего после завершения идеологического противостояния.

Эпоха расцвета атлантизма

Когда сейчас говорят о мировом порядке, чаще всего имеется в виду устройство, установившееся после исчезновения СССР. Тот самый «Новый мировой порядок», о котором первым еще в 1986 г. заговорил генеральный секретарь ЦК

КПСС Михаил Горбачев, а потом термин охотно перенял и наполнил своим содержанием президент США Джордж Буш-старший. В западных дискуссиях сейчас, впрочем, принято указывать на то, что мир после холодной войны развил и упрочил «лучшие практики», возникшие по итогам Второй мировой, т. е. конец XX — начало XXI в. — «апгрейд» эпохи 1940–1980-х. Правда, главный продукт означенного периода — ялтинско-потсдамская система — считается пережитком недопустимого ныне мышления в духе «сфер влияния», а вот ООН, Организация Североатлантического договора, европейская интеграция, Хельсинкский процесс — достижения, которые и проложили дорогу к новой эре после 1991 г. Тот факт, что все они сами по себе были производными именно от модели, основанной на признании сфер влияния в Европе (собственно, Хельсинкский Заключительный акт был на момент своего подписания масштабной сделкой по закреплению раздела Старого Света), предпочитают не вспоминать.

Тем не менее резон в том, чтобы объединять весь временной отрезок со второй половины 1940-х гг. до середины 2010-х гг. в один общий период международных отношений, есть. Просто состоял он из двух взаимосвязанных частей — сначала собственно холодная война 1940–1980-х гг., а затем период после распада Советского Союза. Хотя на рубеже 80-х и 90-х гг. была провозглашена новая эра и даже «конец истории», на деле не наступило ни того, ни другого. Минувшие четверть века, насыщенные событиями, которых, наверное, в иное, более спокойное время хватило бы на несколько десятилетий, оказались не созиданием нового устройства. Других институтов создавать, по большому счету, не стали, была предпринята попытка адаптировать структуры, которые во время идеологического противостояния обслуживали западный мир, к совершенно иному международному контексту. Сейчас неудача такого подхода если и не признана официально, то фактически осознается политиками, а главное — обществами ведущих стран. Элиты, ответственные за курс прошедших лет, попросту теряют поддержку избирателей. Так, согласно опросу *Pew Research Center*, проведенному в апреле 2016 г., 57 % американцев считают, что Соединенные Штаты должны заняться собственными проблемами и позволить другим решать свои проблемы как они считают нужным, что, по существу, идет вразрез со всей философией глобального лидерства, доминировавшей после холодной войны¹. Любопытно, что ровно такое же количество респондентов заявили в августе того же года, что не хотели бы голосовать на выборах ни за одного из двух предложенных кандидатов — Клинтон и Трампа². Первую считали порождением провалившегося истеблишмента, второго — фальшивой альтернативой.

---

¹ Public Uncertain, Divided Over America's Place in the World: Growing support for increased defense spending. May 5, 2016. URL: <http://www.people-press.org/2016/05/05/public-uncertain-divided-over-americas-place-in-the-world/> (accessed date: 21.12.2016).

² Blake A. A record number of Americans now dislike Hillary Clinton // The Washington Post. August 31, 2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/08/31/a-record-number-of-americans-now-dislike-hillary-clinton/> (accessed date: 21.12.2016).

Минувшие семьдесят лет были уникальны, но составные части своеобразны каждая по-своему. На стадии холодной войны методом рискованных проб и опасных ошибок установилась не имеющая аналогов в мировой истории прочная стратегическая стабильность, основанная на военно-политическом (и ядерном) равновесии двух сверхдержав. Затем, на стадии выхода из противостояния, случилось другое необычное — несвойственный прежде международной политике рывок одной определенной группы стран в надежде распространить свои идейно-ценностные принципы на весь мир в качестве универсальных.

После холодной войны риторика, конечно, резко изменилась, однако, по сути, предполагалось сохранить ту же модель власти над миром, что практиковалась раньше. Только теперь с опорой не на две уравновешивающих друг друга сверхдержавы, а на одну, говоря словами бывшего французского министра иностранных дел Юбера Ведрина, «гипердержаву», страну, способную, благодаря своему многократному преимуществу практически по всем компонентам силы, выполнять функцию всеобщего патрона.

Иными словами, холодную войну и то, что последовало за ней, объединяла уверенность в том, что глобальными процессами можно управлять. Отсюда и постоянный рефрен 1990–2000-х гг. — о необходимости совершенствования, потом радикального улучшения, а с какого-то момента и спасения институтов глобального управления. Под ними, впрочем, понимались институты прежде всего западного происхождения.

Еще одна общая черта — роль, которую в международном политическом процессе играла идеология. Борьбу двух идеологий времен холодной войны сменило намерение утвердить одну «всесильную, потому что верную» идейную схему. И в том, и в другом случае идеологические установки накладывали отпечаток на геополитическое соперничество. С 1990-х гг. ситуация усугублялась еще и тем, что «руководящим и направляющим» повсеместно стал неолитерализм, а он поощрял тенденцию к сокращению роли государства не только в экономике. В результате объективных и субъективных процессов дееспособность государства как основной структурной единицы международных отношений падала, что снижало и способность к тому самому «глобальному управлению».

Наконец, третья объединяющая черта всего этого периода (с середины 1940-х до середины 2000-х гг.), которая имеет определяющее значение для России, — существование Запада как единого политического понятия и, по сути, института. Запад как идея, как ценностная платформа и культурное пространство, конечно, появился много раньше, однако до середины XX в. он представлял собой конгломерат остро соперничавших между собой великих держав.

Но с 1940-х гг. понятие «Запад» превратилось в синоним «атлантизма». Изобретатель самого термина «атлантическое сообщество» Уолтер Липпман писал о том, что вмешательство Америки в две мировые войны было обусловлено необходимостью защиты «просвещенной западной цивилизации», вклю-

чавшей, по его версии, Германию (против которой велись обе эти войны), но исключавшей Россию (союзника в обеих войнах). Липпман писал о необходимости защищать «безопасность атлантической трассы»¹. Таким образом, система координат классической геополитики (евразийский хартленд, противопоставленный океаническим пространствам) фактически обрела идеологическое наполнение.

Итоги Второй мировой войны, и прежде всего появление СССР в качестве сверхдержавы и конституирующего «Супердругого», консолидировали Запад как идейно-политическую, военную и экономическую общность. С концом холодной войны она не просто сохранилась, но и составила институциональное ядро мировой системы. Позиционирование Советского Союза в отношении Запада было очевидным — системный оппонент по всем параметрам. Россия же оказалась перед двойной дилеммой. С одной стороны, принятие или непринятие западной идейной и ценностной базы (эта тема присутствовала в российском дискурсе не менее 200 лет). С другой — участие или неучастие в управляемых Западом политических институтах, чего раньше никогда не предполагалось. Смешение этих двух измерений, прежде совершенно отдельных друг от друга, усугубило мучительную траекторию отношений начиная с 1990-х гг.

Модель моноцентричного мира (структурированного вокруг США и их союзников), которая казалась естественной и неизбежной четверть века назад, стала давать трещины уже в первые годы XXI в. Феномен транснационального политического исламизма и глобального терроризма, самым ярким проявлением которого стала атака на США 11 сентября 2001 г., показал, что представление о постепенном неизбежном распространении западной либеральной модели на весь мир было ошибочным. Еще более серьезный удар был нанесен в 2008–2009 гг., когда разразился мировой финансовый кризис. Его источником оказались не государства периферии (как, например, в конце 1990-х гг. во время «азиатской» волны), а само ядро — сначала Соединенные Штаты, а потом Европейский союз. Принятая на исходе «нулевых» модель восстановления через «национализацию убытков», т. е. спасение частных банков за счет налогоплательщиков, остро поставила вопрос о моральной состоятельности всего экономического устройства и подхлестнула протестные настроения против финансово-экономической глобализации.

Состояние мира, возникшее по итогам идеологического противостояния второй половины прошлого века, вступило в окончательный кризис в 2014 г. Намерение Евросоюза/НАТО институционально привязать Украину к своей сфере и отказ обсуждать это с Россией спровоцировали крайне жесткую реакцию. Москва окончательно сделала вывод, что «геополитическую алчность» Запада можно обуздать только военной силой.

---

¹ *Lippmann W. The Atlantic and America: The When and Why of Intervention // Life. Vol. 10. № 14. 7 April 1941. P. 85.*

Присоединив Крым и оказав поддержку антикиевским силам в Донбассе, Москва не просто провела «красную линию», которую готова защищать любыми средствами, включая военные. Россия заявила о нежелании соблюдать правила, сложившиеся в период ее слабости и неспособности добиться приемлемых договоренностей. С точки зрения Москвы, порядок, установившийся после 1991 г., не был естественным продолжением соглашений, которые обеспечивали мир и стабильность в Европе на последней стадии холодной войны. Соответственно, Россия не признавала незыблемыми реалии, возникшие после распада СССР, и не считала свои действия в отношении соседних стран (они были созданы уже после согласованных решений 1970–1980-х гг.) нарушением договоров, достигнутых раньше. Иными словами, Россия так никогда в полной мере и не согласилась с существованием «нового мирового порядка», который Запад считал само собой разумеющимся, хотя до середины 2000-х гг. мирилась с ним как с данностью. Как верно замечали Иван Крастев и Марк Леонард, «европейцы ошибочно приняли неспособность Москвы блокировать создание нового порядка после холодной войны за согласие с ним. Слабость посчитали сменой убеждений»¹.

Подъем и упадок «Большой Европы»

Концепция «Большой Европы» с центром в Брюсселе (закономерно, что бельгийской столице располагаются штаб-квартиры обеих организаций — и НАТО, и ЕС) предполагалась как ядро того нового мирового порядка, и судьба этого ядра весьма показательная с точки зрения общих процессов. Еще в начале 2010-х гг. сохранялись представления середины 1990-х гг. о том, что принципиально новый тип межгосударственных отношений, сложившийся за годы интеграции в ЕС, может стать прототипом новых международных отношений вообще.

«Большая Европа» — продукт завершения холодной войны, и она подразумевала не столько географическое, сколько идеологическое содержание. А именно: быстрое преодоление геополитического раскола Старого Света, создание единого пространства безопасности и устойчивого развития на основании модели Европейского сообщества/союза при доминирующей роли НАТО в области безопасности. Появившийся в 1992 г. Европейский союз должен был стать образцом для развития сопредельных территорий на востоке и на юге. Углубление интеграции внутри ЕС и одновременное распространение его норм и правил на страны, которые прежде не входили в состав объединения, были призваны создать мощный политико-экономический мировой центр. Такой, который был бы способен выступать на равных с главными акторами мировой системы — Соединенными Штатами и растущим Китаем. Наиболее

---

¹ *Krastev I., Leonard M.* The New European Disorder. European Council on Foreign Relations: Essay, November 2014. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR117_TheNewEuropeanDisorder_ESSAY.pdf (accessed date: 21.12.2016).

ярким символом новых амбиций «большой Европы» стал проект единых европейских денег — заявка на создание альтернативной доллару США мировой резервной валюты.

Ключевая характеристика проекта — ЕС/НАТО-центричность. В этом его принципиальное отличие от идей, которые высказывались на рубеже 1980-х и 1990-х гг., когда еще существовал Советский Союз. Михаил Горбачев, автор идеи общеевропейского дома, предполагал, что этот дом будет строиться с двух сторон на равноправной основе. Реализация такого проекта (а его концептуальной основой должна была стать Парижская хартия для новой Европы 1990 г.) означала бы договорное окончание холодной войны — без формального или неформального указания на победителей и побежденных.

Впрочем, уже тогда, т. е. еще до распада СССР, было понятно, что видение Горбачева не совпадает с тем, как представляли себе будущее бывшие противники Варшавского договора. Видный германо-британский социолог Ральф Дарендорф писал в книге «Размышления о революции в Европе», которая вышла весной 1990 г., за полгода до подписания Хартии: «Европа — это не только географическая или культурная концепция, она обладает важнейшим политическим значением. По крайней мере отчасти оно следует из того, что малые и средние страны пытаются совместно определить свою судьбу. Среди них нет места сверхдержаве, даже если она уже не является экономическим, а возможно, и политическим гигантом. Способность многократно уничтожить все человечество определяет Советский Союз не в ту компанию, в которой находятся Германия и Италия, Польша и Чехословакия и даже ядерные державы Великобритания и Франция». И далее: «Общеевропейский дом будет построен не по проекту Горбачева; он будет располагаться западнее разрушающейся империи и ее будущих наследников... Европа заканчивается на советской границе, где бы последняя ни проходила»¹. Дарендорфа, правда, не смущало, что одна сверхдержава, способная «многократно уничтожить человечество», в Европе была — США, фактический соархитектор европейского проекта, присутствие которых в Старом Свете служило прочным военно-политическим якорем.

Как бы то ни было, когда распался Советский Союз, ни о какой равноправной разработке нового европейского дизайна речи уже не шло. Возник геополитический и институциональный вакуум, который начал быстро заполняться активностью победившей стороны. Россия находилась в тот момент в состоянии социально-экономического хаоса, а на политическом уровне доминировали наиболее прозападные взгляды. Справедливости ради надо признать, что Москва тогда не возражала против такой модели отношений и исходила из того, что должна тем или иным образом встроиться в создающуюся «большую Европу». Эта схема — и в отношениях России и ЕС, и в отношениях Россия — НАТО — может быть суммирована формулой, оглашенной когда-то главой Ев-

---

¹ *Dahrendorf R. Reflections on the Revolution in Europe. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990. P. 120.*

ропейской комиссии Романо Проди: интеграция с Россией до уровня *everything but institutions* (все, кроме институтов)¹. Иными словами — принятие Москвой норм и правил Евросоюза без возможности влиять на их выработку и управление общим пространством.

Деконструкция «Большой Европы»

Спустя более четверти века после подписания в Париже Хартии о новой Европе можно констатировать, что «Большая Европа» в тогдашнем понимании не состоялась. Сегодня Старый Свет в целом находится в противоречивой ситуации. Большинство институтов, созданных и в годы холодной войны, и после нее, существуют и формально функционируют, однако они все меньше соответствуют реальному положению вещей.

Наблюдается кризис обоих институтов, которые были призваны стать основой новой Европы, — Евросоюза и НАТО. Европейский союз переживает глубокий и многофакторный упадок. Он не только не стал крупным и независимым международным игроком, но пережил схлопывание своей политики в отношении стран соседства. «Восточное партнерство» привело к украинскому кризису, Средиземноморский союз (вторая часть бывшей Политики соседства) полностью парализован «арабской весной» и последовавшими событиями. Стратегическое партнерство с Россией закончилось санкционной войной. Попытки встать вровень с США трансформировались в переговоры о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства под американской эгидой. Экономическая стагнация продолжается годами, а недостаточно продуманное введение единой валюты привело к появлению очень серьезных внутренних дисбалансов, которые, в свою очередь, генерируют все более острые кризисы. Приток беженцев превратился в бомбу замедленного действия, которая угрожает социально-экономической стабильности, политическим системам и ценностным основам единой Европы. Каждый конкретный кризис, чем бы он ни был вызван, превращается в структурный кризис европейских институтов.

Тот факт, что Старый Свет вступает в новый этап политической истории, стадию не экспансии, а, напротив, «огораживания», стал окончательно ясным летом 2016 г. Несколько событий, друг с другом напрямую не связанных, подвели черту под проектом «Большой Европы».

Референдум в Великобритании стал прецедентом — ни разу еще интеграция не теряла участников, ЕС исключительно расширялся. Это не означает, что кто-то обязательно последует примеру Лондона, тем более что последствия Брекзита пока никому непонятны (впрочем, и истерика по поводу экономической

---

¹ Prodi R. A Wider Europe — A Proximity Policy as the key to stability // «Peace, Security And Stability International Dialogue and the Role of the EU»: Sixth ECSA-World Conference. Jean Monnet Project. Brussels, 5–6 December 2002. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-02-619_en.htm (accessed date: 21.12.2016).

катастрофы, которая неизбежно постигнет Туманный Альбион в случае выхода, оказалась скорее политической технологией, чем реальностью). Но обратимость интеграционного процесса становится фактом, и психологически это важно. По-своему показательно, что свои давние заявки на членство отозвали Исландия и Швейцария.

Турция больше не вступает в Европейский союз. Формально эта цель не отменена, но атмосфера турецкой политики после попытки переворота несовместима с критериями, соответствия которым требует Брюссель. В Анкаре, правда, давно поняли, что европейская интеграция ей не светит, Евросоюз только и искал поводы, почему Турция не может к нему присоединиться. Хотя открыто этого никто не мог сказать, 80-миллионная мусульманская держава всех в Евросоюзе пугает. Тем не менее в 2015 г. стороны вдруг вернулись к дискуссии о членстве — ЕС была жизненно необходима договоренность по беженцам. Уже тогда мало кто сомневался, что готовность возобновить переговоры о вступлении — уловка. После событий июля 2016 г. руководство Европейского союза может вздохнуть с облегчением — тема членства фактически неактуальна. Новая версия, высказанная европейским комиссаром Гюнтером Эттингером, — Турция не может вступить, пока у власти там Эрдоган¹. Если его не будет, наверняка найдутся и другие поводы.

Россия интегрироваться в ЕС не собиралась, однако идея «стратегического партнерства» служила концептуальной основой отношений весь постсоветский период. Она предусматривала нормативно-правовое сближение на европейской базе, иными словами — вхождение России в общее пространство «Большой Европы» с центром в Брюсселе. Понятно, что реалистичность такого сценария снижалась — на довольно раннем этапе стало понятно, что путем стран-кандидатов, безоговорочно принимающих предлагаемую модель, Россия все равно не пойдет. Однако на уровне принципиальной схемы вплоть до 2014 г. придерживались (хотя уже по инерции) изначальной задумки. Последний перед украинским взрывом саммит Россия — ЕС, который прошел в Брюсселе в конце января 2014-го, хотя и был сведен к минимуму по времени обсуждения, повторял все известные мантры «стратегического партнерства».

Украинский кризис перечеркнул прежний подход фактически, а летом 2016 г. он перестал действовать уже и формально. Принятая внешнеполитическая стратегия ЕС называет Россию стратегическим вызовом, ну а решения Варшавского саммита НАТО, обнародованные почти одновременно с еэсовской стратегией, возвращают альянс к задаче сдерживания Москвы.

Великобритания, Турция и Россия на протяжении столетий были неотъемлемыми участниками европейской политики, но всегда стояли особняком, хотя

---

¹ *Bayliss Ch.* Turkey will NEVER join European Union while Erdogan is in charge, EU bureaucrat claims // Express. 2016. August 31. URL: <http://www.express.co.uk/news/world/705559/Turkey-join-EU-President-Erdogan-Guenther-Oettinger-european-commissioner> (accessed date: 21.12.2016).

и по-разному. Характерно, что эти три страны, отношения с которыми качественно изменились в 2016 г., сейчас как будто замыкают периметр континентальной Европы — с запада, юга и востока. Это открывает перед европейским проектом новые возможности — перезапустить интеграцию в более компактных и гомогенных (хотя о гомогенности даже усеченного ЕС можно говорить очень условно) рамках, четко обозначив собственные границы, которые Евросоюз до сих пор сознательно отказывался фиксировать.

Философия Европейского союза с момента его формального учреждения в 1992 г. (до этого существовало Европейское экономическое сообщество) была нацелена на экспансию, пределы которой не оговаривались. ЕС принципиально опирался не на военную, а на «умную» силу — правовые режимы, экономическое взаимодействие, идеологическая привлекательность. И исходил из того, что либо сопротивления не будет вовсе, либо конкуренция развернется в тех же «мягких» формах, где Брюссель был уверен в своем превосходстве. Когда выяснилось, что это не так, Евросоюз впал в концептуальный ступор.

Отказаться от аксиомы расширения (приема новых членов либо распространения своих правил на соседей без их формального вступления) значило признать, что социально-политическая модель единой Европы не универсальна. А уверенность в исторической и моральной правоте интеграции всегда служила опорой начинания. Кризис «эталонности» назревал давно, но события последних месяцев заставили Евросоюз окончательно повернуться внутрь себя, чтобы заняться ревизией собственного устройства.

Каким станет европейский проект через пять или десять лет, сейчас предсказать невозможно. Но он будет (а) другим, (б) намного более интровертным. Страны, остающиеся за пределами ЕС (дальнейшее расширение маловероятно, хотя в интересах стабильности нецелесообразно предоставлять Балканы самим себе), должны формулировать свои стратегии с учетом нового настроения объединения. Сотрудничество возможно, институциональное слияние — нет.

Эта проблема особенно остра для таких государств, как Украина и Молдавия, сделавших ставку на «европейский выбор». Великобритания, скорее всего, будет дрейфовать в сторону большого атлантического Сингапура — извлечение выгод из нахождения на стыке огромных финансовых потоков и возможности самостоятельно устанавливать правила. Вероятно возрождение тесных связей с Вашингтоном, в которых Лондон будет уже не «агентом» Америки в Евросоюзе, а элементом обособленного англосаксонского «стержня». России не остается ничего другого, кроме как, поддерживая по возможности прагматичные связи с ЕС, участвовать в строительстве нового пространства Евразии, к чему сейчас множество самых разных предпосылок¹.

---

¹ *Бордачев Т.В.* Большая игра с позитивной суммой // Россия в глобальной политике. Т. 14. 2016. № 4. С. 73–82. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Bolshaya-igra-s-pozitivnoi-summoi-18235> (дата обращения: 21.12.2016).

Турция, вероятно, попытается реанимировать идею энергетического диспетчера западной Евразии и геополитического «разводящего» на меняющемся Ближнем Востоке. Турецкие политики заигрывают и с разнообразными евразийскими идеями. В 2013 г. тогда еще премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган напрямую интересовался у Владимира Путина возможностью вступления в Шанхайскую организацию сотрудничества¹. А после стремительного восстановления российско-турецких отношений летом 2016 г. чиновники из Анкары стали рассуждать даже про Евразийский экономический союз². Правда, по используемым формулировкам понятно, что всерьез рвать с евроатлантическими институтами не собираются. Но и возвращение Турции в Евроатлантику на правах лояльного вассала уже невозможно.

НАТО как ловушка

НАТО после исчезновения СССР так и не обрела четкой и однозначной миссии. Украинский кризис и присоединение Россией Крыма создали впечатление, что возможно возвращение к модели времен холодной войны — консолидация против понятного противника, того же, что и раньше. Однако даже на пике украинского кризиса единство в рядах НАТО не было монолитным. Сирийский кризис, и особенно обострение в связи со сбитым турецкими силами российским бомбардировщиком, еще острее поставили вопрос о внутренней целостности НАТО. Наглядно выявилось отличие от времени холодной войны. Тогда невозможно было представить себе, что одна из стран-членов предпринимает серьезные действия военного характера без консультаций с союзниками, блоковая солидарность была оборотной стороной блоковой дисциплины. Сейчас возможно резкое движение на свой страх и риск, а затем — обращение за поддержкой к союзникам, которые при этом могут иметь совсем другой взгляд на случившееся. Практически все примеры применения силы Североатлантическим альянсом или странами-членами после холодной войны не приводили к политическому успеху. Отсутствие общей и очевидной угрозы не позволяет сформулировать четкую долгосрочную задачу. На протяжении почти двух десятилетий НАТО компенсировала концептуальные проблемы за счет механического расширения, однако распространение зоны влияния столкнулось с противодействием России.

На уровне риторики альянс восстановил единство и целеполагание. При этом альянс не имеет ответов на самые острые вызовы безопасности — рост конфликтности в ключевых регионах мира (Ближний Восток, Восточная и Юго-Восточная Азия), а также повсеместный всплеск исламского терроризма. Последнее — не внешняя, а внутренняя угроза для большинства западных стран.

---

¹ Реджеп Эрдоган попросил Владимира Путина принять Турцию в ШОС. 22.11.2013. URL: <http://www.5-tv.ru/news/78217/> (дата обращения: 21.12.2016).

² *Микаелян М.* Турецкий блеф и евразийский страх от Армении. 25.08.2016. URL: <http://inosmi.ru/economic/20160825/237633903.html> (дата обращения: 21.12.2016).

К тому же один из ключевых членов альянса, обладающий второй по величине армией (Турция), проводит линию, все дальше расходящуюся с союзниками и в Европе, и в Америке.

На Варшавском саммите альянса в июле 2016 г. многолетний поиск новой миссии после холодной войны фактически привел обратно к классической задаче — сдерживанию России. Отдельно подчеркнута готовность выполнять обязательства по защите восточноевропейских союзников, прежде всего Польши и балтийских государств. Казалось бы, вопрос закрыт. Но тут в разговор вступил в ту пору еще кандидат в президенты США от республиканцев Дональд Трамп. Отвечая на вопрос «Нью-Йорк таймс», обязаны ли Соединенные Штаты защитить балтийские страны в случае нападения России, он ответил, что «это зависит». И пояснил — только если «они выполняют свои обязательства перед нами»¹. Масла в огонь подлил сторонник Трампа и один из ярких идеологов консервативного крыла республиканцев Ньют Гингрич. На канале Си-Би-Эс он напомнил: «Эстония — это окрестности Санкт-Петербурга. Я не уверен, что стал бы рисковать ядерной войной из-за места, расположенного в пригороде Петербурга»².

В дискуссии об обязательствах и неравномерном распределении финансового бремени внутри альянса нет ничего нового³. Многие американские политики давно обращают внимание на то, как изменилась пропорция финансирования НАТО по сравнению с холодной войной. Тогда расходы делились между США и остальными примерно пополам, сейчас на американскую долю приходится около трех четвертей.

Справедливости ради необходимо заметить, что от того, будут или не будут выполнять свои «обязательства» балтийские государства (а Эстония, кстати, — одна из пяти стран НАТО, которая неукоснительно придерживается норматива не менее 2% ВВП на оборону) или даже все «новые члены» (Восточная Евро-

---

¹ Transcript: Donald Trump on NATO, Turkey's Coup Attempt and the World // The New York Times. July 21, 2016. URL: http://www.nytimes.com/2016/07/22/us/politics/donald-trump-foreign-policy-interview.html?_r=0 (accessed date: 21.12.2016).

² Newt Gingrich: NATO countries «ought to worry» about U.S. commitment. URL: <http://www.cbsnews.com/news/newt-gingrich-trump-would-reconsider-his-obligation-to-nato/> (accessed date: 21.12.2016).

³ В нашумевшем мартовском интервью 2016 г. журналу «Атлантик» президент Обама упрекнул европейских союзников в том, что они рассчитывают обеспечивать нужды своей безопасности за счет США (*Landler M. Obama Criticizes the 'Free Riders' Among America's Allies* // The New York Times. March 10, 2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/03/10/world/middleeast/obama-criticizes-the-free-riders-among-americas-allies.html> (accessed date: 21.12.2016)). А министр обороны Роберт Гейтс незадолго до ухода со своего поста в 2011 г. прямо заявил, что Европе не стоит рассчитывать, что Америка бесконечно будет нести на себе основное бремя расходов альянса (*Birnbaum M. Gates rebukes European allies in farewell speech* // The Washington Post. 2011. June 10. URL: https://www.washingtonpost.com/world/gates-rebukes-european-allies-in-farewell-speech/2011/06/10/AG9tKeOH_story.html (accessed date: 21.12.2016)).

па — лидер внутри блока по наращиванию военных трат)¹, ничего не изменится. Критика Вашингтона направлена в адрес крупных и богатых партнеров — Франции, Германии, Испании, Канады, Италии, Западной Европы в целом (исключение составляет Великобритания), которая далеко не дотягивает до установленных норм. И не торопится нагонять.

Вопрос, который поднимают Трамп и его единомышленники, не меркантильный, а сущностный. Кандидат в президенты США фактически отрицал целесообразность расширения НАТО, которое было стержнем американской геополитической стратегии в Европе после СССР. Потому это и вызвало столь резкую и возмущенную реакцию военно-политического истеблишмента США.

Логика Гингрича, которую он излагает в упомянутом телеинтервью, проста — что бы ни делали НАТО и Соединенные Штаты, у России всегда будет качественное преимущество в Прибалтике. Это географическая близость, способность мобилизовать поддержку русскоязычного меньшинства внутри соседних стран и возможность манипулировать ситуацией. Иными словами, конвенциональными методами балтийские партнеры едва ли защитимы, а стоит ли игра того, чтобы из-за них переходить на многократно более высокий уровень эскалации (ядерный), — большой вопрос.

Гингрич и Трамп поставили под сомнение правильность американских действий как раз того периода, который служит примером успеха для Хиллари Клинтон, — время президентства ее мужа. Принятое тогда решение о расширении НАТО было в первую очередь политическим — в том смысле, что всерьез никто не рассматривал вопрос, как в случае военного обострения альянс будет оборонять принимаемые государства. Россия пребывала в столь глубоком кризисе, что восстановление ее возможностей не считалось вероятным в обозримой перспективе. Тема военного планирования в отношении балтийских стран была поднята в 2008 г. после вооруженного конфликта России и Грузии, тогда и выяснилось, что планов такого рода просто нет. Сейчас блок принимает символические меры, наподобие размещения в Польше и Прибалтике четырех батальонов на ротационной основе, однако проблемы обороны в случае полноценного конфликта это не решает.

Трамписты, которые оценивают НАТО с точки зрения его реальных военных возможностей, на самом деле относятся к нему серьезно. В отличие от политиков 1990-х и 2000-х гг., которые на волне ощущения всевластия механически забирали все оставшиеся от СССР трофеи, не особенно заботясь о том, что потом делать и какие обязательства перед новыми союзниками придется выполнять. Именно этого опасался на склоне лет Джордж Кеннан (см. эпиграф к этой статье), предрекавший, что расширение НАТО делает неизбежной новую холодную войну, причем расширившийся альянс будет не сильнее, а слабее того, что был раньше.

---

¹ Communiqué PR/CP(2016)116: Defence Expenditures of NATO Countries (2009–2016). 2016. 4 July. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_07/20160704_160704-pr2016-116.pdf (accessed date: 21.12.2016).

Если считать, что в Европу вернулась атмосфера холодной войны, а это вытекает из решений саммита НАТО, тогда и относиться к управлению конфронтацией надо серьезно: восстанавливать в новой обстановке механизмы повышения мер доверия и снижения рисков, которые действовали 40–50 лет назад. Однако на такие переговоры альянс не готов, поскольку это, с его точки зрения, легитимирует Россию как равноправного военно-политического собеседника, что противоречит всему духу политики после холодной войны. Так что пока расширение НАТО выглядит как ловушка для всех участников, а не способ укрепления мира и стабильности. После вступления Дональда Трампа в должность президента он успел сделать ряд противоречивых заявлений. Сначала в интервью лондонской «Таймс» он назвал альянс «устаревшим», поскольку он не приспособлен к противодействию главной угрозе современности — терроризму¹. Потом объявил о незыблемой приверженности Вашингтона идеалам НАТО. Трудно представить себе, что любое американское руководство, даже такое фрондирующее, как Трамп, будет предпринимать действия по разрушению Североатлантического альянса. Однако серьезная дискуссия о нем неизбежна, поскольку сейчас еще больше, чем прежде, становится понятно: институты XX столетия не работают в нынешнюю эпоху так, как планировалось. И НАТО — не исключение, а еще одна структура, которой придется доказывать свою дееспособность в меняющемся мире. К сожалению для России, вполне вероятны попытки все-таки настаивать на функции альянса как инструмента именно ее сдерживания, для этого же необходимо педалирование российской угрозы. В то же время экспансия блока представляется исчерпанной.

Глобализированное меньшинство и национальное большинство

Тема НАТО как ключевого игрока завершающейся эпохи связана и с самым обсуждаемым сегодня вопросом — о бунте «масс» против истеблишмента в ведущих странах Запада. Неспособность правительств найти методы решения внутренних проблем толкает к поиску внешних причин, тем более что степень воздействия международной среды на процессы внутри стран действительно резко возросла. Это привычно для российского мироощущения, однако сейчас тот же феномен наблюдается практически повсеместно. Траектория взаимоотношений России и Запада за минувшие четверть века показывает странные закономерности, связанные отнюдь не только с застарелым военно-политическим соперничеством. Нынешнее взаимное отторжение имеет и внутренние корни — с обеих сторон.

Итак, спустя два с половиной десятилетия после завершения холодной войны военный союз, созданный для противостояния советской угрозе, как будто бы нашел обновленный *raison d'être* в том же самом, ради чего создавался

---

1 Full transcript of interview with Donald Trump // The Times. 2017. January 16.

в середине прошлого века, — противостоянии угрозе России, правопреемнице СССР. Москва, со своей стороны, не возражает. Те же 25 лет страна пыталась (с угасающим рвением) занять место на западной орбите, найти собственную нишу в системе, которую США строили в мировом, а Евросоюз и НАТО — в европейском масштабе. Причин неудачи этого проекта много, чаще всего принято ссылаться на внешние. Нежелание Запада относиться к России, как к равной. Экспансия западных институтов с целью быстрого «освоения» советского наследия и пространства, в процессе которой возражения Москвы воспринимали как досадный пережиток прошлого. Наконец, вообще изменение природы НАТО, которая во время холодной войны была чисто оборонительной организацией коллективной безопасности, а после ее окончания фактически превратилась в наступательный блок, который регулярно инициирует войны. Однако есть и важные внутренние причины.

Философия открытости и максимальной кооперации с глобальным миром, провозглашенная последним советским лидером Михаилом Горбачевым, не привела к появлению устойчивой и успешной модели развития. Крах СССР, резкое падение международного статуса, затяжной и глубокий социально-экономический и политический кризис России, возникновение олигархической системы, которую большинство населения воспринимает как несправедливую, сформировали крайне скептическое, а постепенно все более негативное отношение к идее вестернизации. Политическое руководство, правда, вплоть до начала острой фазы украинского кризиса в 2014 г. в целом не отходило от логики интеграции с Западом (хотя условия, на которые соглашались российские лидеры, конечно, со временем менялись).

Справедливости ради надо отметить, что после окончания холодной войны был период, когда Российское государство активно использовало преимущества открытых отношений с Западом, — первая половина 2000-х гг. Тогда Владимиру Путину удалось стабилизировать ситуацию после 1990-х гг., восстановить централизованный политический контроль и тем самым повысить интерес к России у части западного бизнеса. Сочетание эффекта от резкой девальвации 1998 г. и начавшегося нефтяного бума создало привлекательные условия, Россия вошла в моду как *emerging market*. То время было отмечено и наиболее амбициозной повесткой дня в отношениях с Западом — сотрудничество против терроризма с США, обсуждение «общих пространств» с ЕС и даже намеки на возможную заинтересованность России стать членом НАТО. Восстановление российской экономики и высокие темпы роста в тот период отчасти связаны с этой благоприятной обстановкой.

Оглядываясь назад, можно сказать, что временной отрезок примерно с 2001 по 2006 годы был апогеем подхода, в центре которого находилось стремление стать частью «расширенного Запада», несмотря на то что условий, на которых Кремль был готов это сделать, постепенно становилось все больше. Это стремление было столь выражено, что свернуть поезд с колеи не смогли даже такие потрясения, как выход США из договора по противоракетной обороне, после-

довательное расширение НАТО, американское вторжение в Ирак и «цветные революции» в Грузии и на Украине, воспринятые в Москве очень остро. Кульминацией стал саммит «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в 2006 г. — формальное признание России полноправным членом элитарного клуба (хотя в финансово-экономической сфере этого не случилось на протяжении всего периода членства России в Группе восьми, вплоть до 2014 г.).

Однако к этому моменту уже стало ясно, что присоединение России «к Западу» не решает задач, которые ставило российское руководство. Россия — отчасти из-за своего объективного экономического состояния, отчасти по политическим причинам — рассматривалась в мире как источник сырья, рынок, в лучшем случае второстепенный участник производственных цепочек. Ну а наличие ядерного арсенала и внешняя политика, все дальше отклонявшаяся от того, что Запад считал допустимым, превращали Россию в находившегося на подозрении конкурента.

В глобальную среду фактически встраивалась не Россия как нация и государство, а верхушечный сегмент российского общества — часть крупного бизнеса, часть управленческого класса, молодые космополитически настроенные профессионалы, способные трудоустроиться в развитых странах. Но реального политического оформления роли государства Россия как участника «элитарного клуба» не происходило (точнее, происходило только формально, на уровне участия в саммитах). Ведущие западные державы реализовывали свою повестку дня, не принимая всерьез недовольство Кремля (по поводу расширения НАТО, продвижения демократии на Ближнем Востоке, экспансии нормативного поля Евросоюза и пр.). Попытки полноценного приобщения к современным технологиям наталкивались на откровенное противодействие, например отказ General Motors продать российским Сбербанку и ГАЗу автопроизводителя Opel. Идея российского руководства о масштабном обмене сырья на технологии и тем самым достижения довольно глубокой экономической взаимосвязи не реализовалась по причине так и не преодоленного взаимного недоверия¹.

Интеграция России в глобальную экономику происходила, но весьма специфическим образом. Страна в полной мере ощутила на себе негативную сторону глобализации — оказалась в серьезной зависимости от внешней конъюнктуры, на которую, в принципе, не могла влиять. Но, оказавшись в глобальной среде, так и не научилась извлекать из этого максимальную выгоду (как это долгое время делает Китай, правда, начавший сейчас сталкиваться с ограничениями по мере изменения подхода США к глобальной торговле). При этом внутри общества происходило расслоение на «продвинутое» меньшинство, ориентиро-

---

¹ Последние отголоски идеи «большого проекта» были изложены в статье Владимира Путина в немецкой газете «Süddeutsche Zeitung» в конце 2010 г. См.: *Putin V. V. Von Lissabon bis Wladiwostok // Süddeutsche Zeitung. 2010. 16 November. URL: <http://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/putin-plaedoyer-fuer-wirtschaftsgemeinschaft-von-lissabon-bis-wladiwostok-1.1027908b> (accessed date: 21.12.2016).*

ванное на глобальную среду, и консервативное, «национальное» большинство. Это очень явственно проявилось на рубеже 2011 и 2012 гг., когда столичный «креативный класс», для которого Дмитрий Медведев на какое-то время до этого стал олицетворением «интегрированной» России, активно выступил против возвращения Владимира Путина на пост президента.

Зимой 2011–2012 гг. Путин столкнулся с феноменом (естественно, в российском самобытном варианте), подобным тому, с которым правящий класс Запада имеет дело сегодня. Речь об отрыве все более космополитической элиты от значительной (и скорее растущей) части населения, по-прежнему привязанного к локальным корням и опасющегося чрезмерно глобализованного внешнего мира. Только если в случае Великобритании (Brexit), США (Трамп, Сандерс) или стран континентальной Европы (популистские партии повсеместно) имеет место протест тех, кто перестал понимать своих глобалистски мыслящих политиков, то в России тогда получилось наоборот. О себе заявила интернационализированная часть общества, недовольная отставанием политической системы от ее потребностей. Путин самым фактом «рокировки» и всем последующим поведением сделал выбор в пользу консервативного большинства, а после присоединения Крыма консолидировал и расширил его, противопоставив себя (а значит, и российскую государственную машину) активному меньшинству (которое — опять же после Крыма — практически утратило влияние), ориентированному на внешний мир, точнее — на Запад. Так произошла изначальная легитимация в России третьего президентства Владимира Путина в условиях нескрываемого неприятия его фигуры со стороны всего западного сообщества. Сочетание этих обстоятельств — концептуальный выбор Путина в пользу «антиглобалистского» большинства России и враждебность США и ЕС к его возвращению «на трон» — стало тем механизмом, который катализировал противостояние, достигшее пика после начала украинского кризиса.

Спустя четверть века после радикальных перемен в Европе и мире российское руководство, судя по всему, пришло к умозаключению, что путь открытости, принятый на вооружение во второй половине правления Михаила Горбачева, не дал желаемых результатов. России не удалось ни занять подобающее место в мире, ни выработать устойчивую и перспективную модель социально-экономического развития. По сути, 25 лет транзита завели в тупик, который не устраивает никого — ни либералов, ни консерваторов, ни левых.

Дополнительным аргументом в пользу отказа от этой модели стало распространяющееся в России убеждение, что глобальная система вступила в эпоху трансформации, и на смену философии универсальной открытости идет протекционизм нового уровня. Такие инициативы, как Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, продвигавшиеся администрацией Барака Обамы, предусматривали в рамках объединений очень жесткие стандарты, которые прочно «спаивают» участников и фактически отсекают тех, кто остается вовне. По иронии судьбы подобный подход оформился вскоре после того, как Россия, проведя 18 лет мучительных

переговоров, вступила в ВТО. Приход Трампа положил конец этим проектам — но не в пользу возврата к универсальной открытости, а наоборот. Администрация Трампа настаивает на еще более протекционистском подходе, в идеале — возвращении к временам сугубо двусторонних торгово-экономических отношений с разными странами, когда Америка способна в каждом случае по-своему диктовать условия.

Волна новой суверенизации, постепенно охватывающая мир, в России накладывается на историческую одержимость суверенитетом и безопасностью, отсутствием традиций открытого общества. Российские модернизации никогда в истории не происходили в условиях полноценной открытости и взаимного обмена, они основывались на заимствовании элементов иностранного технологического и экономического, но практически никогда — политического уклада по инициативе жестко централизованной власти и под ее внимательным присмотром. В прошлом это всегда требовало автократической, а позднее фактически тоталитарной системы правления, которая в современной России невозможна. Поэтому руководство добивается правильных, с его точки зрения, условий для развития, манипулируя степенью открытости и закрытости, целенаправленно ограничивая внешние воздействия на собственное общество. Этот курс был взят Владимиром Путиным сразу после решения вернуться на президентский пост в 2011 г. и отчетливо прослеживается в серии его предвыборных статей января-февраля 2012 г.¹

Необходимость придать внутреннему развитию новый импульс (к возвращению Путина в президенты исчерпанность предыдущей модели была очевидна в России людям самых разных взглядов и ему самому), а также осложняющаяся международная обстановка запустили главный механизм российской консолидации — подчеркивание внешней угрозы. Украинский кризис, спровоцированный настоятельным желанием ЕС включить Киев в свою нормативную орбиту путем подписания Соглашения об ассоциации, создал всю необходимую «инфраструктуру». А саммит НАТО в Варшаве довершил картину.

Накануне саммита, где сдерживание России фактически было объявлено главной задачей, произошло важное событие, оставшееся на периферии внимания. Будучи в Хельсинки, Владимир Путин согласился с предложением финляндского коллеги Саули Ниинисте запретить полеты над Балтикой боевых самолетов с выключенными транспондерами². Сразу по возвращении домой Путин дал соответствующее поручение министру обороны (который его немедленно выполнил, отдав приказ ВКС) и обсудил эту тему на заседании Совета безопасности. Тем самым появилась надежда, что прекратится череда инциден-

¹ См., напр.: *Путин В.В.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февр. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 21.12.2016).

² *Гунеев С.* Путин в Финляндии: диалог Москвы с НАТО перечеркнет страхи Балтии. URL: <http://ru.sputniknews.lv.com/Russia/20160702/2187453.html> (дата обращения: 21.12.2016).

тов между самолетами и кораблями России и НАТО, которые в последний год происходили с тревожной регулярностью. Характерно, что с натовской стороны ответ поступил, по существу, отрицательный.

При администрации Трампа такие вопросы, возможно, будут решаться более эффективно. Президента США окружают люди с ментальностью «силовиков», и они понимают логику снижения рисков. Значит ли это, что отношения имеют шанс улучшиться? Скорее нет, поскольку договоренность о включении транспондеров либо другие обсуждения такого рода — это не сближение, а фиксация конфронтации, окончательное признание того, что Россия и НАТО воспринимают друг друга как противников. Ну а если противостояние двух мощных военных машин имеет-таки место, к нему, как учат уроки холодной войны, надо относиться серьезно, проявлять «величайшую осторожность» (как было написано в Соглашении о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним, подписанном СССР и США в 1972 г.). С начала 1990-х гг. нужда в правилах управления рисками конфронтации постепенно отмирала, потому что считалось, что они больше не нужны. Однако сейчас они вновь приобретают острую актуальность.

Предлагаемые рецепты сдерживания Москвы повышают вероятность ремилитаризации политики и даже конфликта в Европе, однако механизмы управления противостоянием, минимизации рисков, наработанные в ходе холодной войны, сейчас отсутствуют. Работа по их восстановлению идет вяло. С точки зрения Запада, возвращение к диалогу по «мерам доверия» легитимизирует Россию как равноправного военно-политического партнера, что полностью противоречит философии 1990-х и 2000-х гг.

Итоги саммита НАТО 2016 г. подтверждают, что возвращение к «старой доброй» миссии по сдерживанию России состоялось и в целом оно не вызывает особых разногласий внутри альянса. Связано это не с тем, что в НАТО все поголовно считают Москву источником главной угрозы, скорее напротив, арифметическое большинство стран-членов к ней относится индифферентно. Однако у западных государств (а большинство из них входят и в НАТО, и в ЕС) сейчас так много внутренних проблем, что заниматься успокоением нервных восточноевропейских союзников и выстраивать сложные нюансированные отношения с Россией просто некогда, не хватает ни сил, ни идей — намного проще вернуться к хорошо знакомой парадигме, по крайней мере на то время, пока узлы внутренних противоречий каким-то образом не распутаются сами собой. Тектонические сдвиги в американской политике этому только способствуют — Европа настолько поражена непредвиденным оборотом событий, что предпочитает вообще ничего серьезного не предпринимать и не менять, пока не прояснится общее направление развития.

Таким образом, круг замыкается — у обеих сторон имеются весомые внутренние причины, чтобы счесть конфронтацию предпочтительной формой существования. Российское руководство надеется таким образом сформулировать новую модель национального развития и окончательно легитимизировать

ставку на консервативное большинство. Образ внешней угрозы удачно его цементирует. На Западе, как ни странно, мотив сходный. В кампаниях, которые вели «партии истеблишмента» (Кэмерон и лагерь *Remain* в Великобритании, Хиллари Клинтон в США) против «мятежников», все более настойчивые упоминания фигуры Путина служили инструментом запугивания избирателей, дабы они не отклонялись от мейнстрима¹. (Примечательно, что напугать в итоге не удалось, оказалось, что граждан эта тема, в общем-то, не волнует.) Получается, что подоплекой отношений, уходящих корнями глубоко в прошлое и как будто связанных исключительно с геополитическими противоречиями, на деле выступает тот самый кризис элит, который и является одной из движущих сил нынешнего мирового беспорядка. Памятуя тот самый выбор в пользу большинства, а не меньшинства, который Путин сделал в начале 2012 г., можно сказать, что Хиллари Клинтон правильно почувствовала в российском президенте олицетворение чего-то совершенно иного, чем то, на что ориентируется она (см. цитату в начале статьи). Но при этом она безбожно преувеличивает масштаб, что свидетельствует, вероятнее всего, о внутренней неуверенности всего правящего класса. Окончание американской кампании и победа Трампа не подвели черту под этой проблемой, а скорее перевели ее в следующую фазу, битва между сторонниками перемен и приверженцами статус-кво эпохи после холодной войны продолжится и принесет еще немало потрясений.

Изменение сущности альянсов

Как бы то ни было, можно констатировать, что 25-летие «без конфронтации» завершилось. Имитация холодной войны не решит ни одну из проблем, ради которых она осуществляется, — внешняя угроза способна лишь на время (если вообще способна) затушевать глубокие расколы в обществах практически по всему миру. Расколы, связанные с противоречивыми результатами глобализации.

Однако риски велики, поскольку даже надуманная конфронтация имеет свою логику и тяготеет к эскалации. Стремясь произвести друг на друга впечатление, стороны ведут дело к милитаризации Европы и новой гонке вооружений, что, во-первых, опасно, во-вторых, отвлекает от реальных вызовов XXI в.

Международная политика в целом все менее упорядочена, нет никакого шанса вернуть прежнее «черно-белое» деление. После холодной войны была предпринята попытка вестернизировать глобальное управление, распространить на всю планету действие организаций, которые раньше охватывали только западный мир (ВТО, Бреттон-Вудские структуры, в какой-то момент НАТО).

---

¹ Среди наиболее ярких примеров — заявление лидера демократического меньшинства в Палате представителей США Гарри Рида о том, что российские хакеры намерены фальсифицировать результаты президентских выборов в Америке (*Sanger D.E. Harry Reid Cites Evidence of Russian Tampering in U.S. Vote, and Seeks F.B.I. Inquiry // The New York Times. 2016. August 29. URL: <http://www.nytimes.com/2016/08/30/us/politics/harry-reid-russia-tampering-election-fbi.html> (accessed date: 21.12.2016)*).

Они не справились с многообразием задач. В результате параллельно возникают другие институты разной степени формализованности, представляющие незападную часть мира: БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, расширяющаяся Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (инициировано АСЕАН и поддержано Китаем) и т. д. Успешность каждой из структур еще предстоит доказать, далеко не все реализуют заявленный потенциал. Однако их появление отражает общую тенденцию — дробление глобального экономического и политического пространства, уход от идеи универсализма (на западных принципах), которая доминировала после победы Запада в противостоянии с СССР.

Классическая формула лорда Пальмерстона («нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны... интересы») выглядит сегодня намного более актуальной, чем в холодную войну. На первый взгляд, существование Североатлантического альянса опровергает такой подход. Но НАТО — наследие минувшей эпохи, она остается единственным и уникальным альянсом, основанным на жестко сформулированных обязательствах и идеологической общности. Иных союзов подобного рода не формируется, и вряд ли они уже возможны¹. Впрочем, даже в НАТО расхождение мнений, оценок и приоритетов сейчас много заметнее, чем когда бы то ни было в истории блока. Это проявляется среди европейских союзников, но особенно очевидно на примере Турции.

Другие стратегически значимые отношения, в том числе и с участием Соединенных Штатов, тяготеют к большей гибкости, что особенно заметно в Азии. Так, хотя многие страны АТР озабочены ростом Китая и потому заинтересованы в гарантиях безопасности со стороны США, их отнюдь не привлекает перспектива целиком и полностью примкнуть к создаваемой американской системе сдерживания Пекина. С другой стороны, достаточно иллюстративен пример Японии и Южной Кореи, которые, несмотря на тесные военно-политические связи с Вашингтоном, изыскивают любые возможности уклониться от антироссийской линии и укреплять отношения с Россией. После присоединения Крыма Сеул вовсе не ввел санкций против Москвы, несмотря на давление Вашингтона, а Токио де-факто вышел из режима санкций по итогам встречи Синдзо Абэ и Владимира Путина весной 2016 г.

Находясь в крайне непредсказуемой и хаотично меняющейся среде (а сейчас, по общему мнению, одним из важнейших факторов непредсказуемости стали Соединенные Штаты), государства стараются защищать свои интересы

---

¹ Примечательно, что четко концептуализировал такой подход не кто иной, как министр обороны США Дональд Рамсфельд. В 2001 г. он сформулировал принцип «миссия определяет коалицию», за что подвергался критике европейских союзников по НАТО. Тем не менее на практике в дальнейшем все складывалось именно в соответствии с его правилом — военные операции НАТО носили все менее всеобщий характер. См.: News transcript: Secretary Rumsfeld Media Stakeout in Washington. URL: <http://archive.defense.gov/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=1926> (accessed date: 21.12.2016).

разными способами, избегая долгосрочных альянсов, которые слишком ограничивают свободу маневра. Как верно замечает ветеран американской дипломатии Чез Фриман, «хорошо это или плохо, но мир вступил в эпоху деловых отношений. Закончилось время коалиций, основанных на конфронтации с общим глобальным противником или взаимной приверженности общим стратегическим интересам и представлениям»¹.

Китай, например, категорически не приемлет западные варианты жестких союзов с формальными обязательствами, потому что их невыполнение ведет к моральному краху и «потере лица», а на Востоке это еще больше, чем на Западе, девальвирует статус лидера. Достаточно взглянуть на упомянутые выше натовские метания по поводу коллективной защиты Прибалтики или Польши от грядущей «русской агрессии».

Стратегические отношения нового типа, например те, которые пытаются выстраивать Россия и Китай, базируются не на жесткой иерархии или полной координации действий в сфере политики и безопасности. В их основе — принцип взаимного дополнения возможностей, неучастия в коалициях третьих стран против кого-то из партнеров и взаимная политическая и экономическая поддержка на случай, если один из партнеров окажется мишенью внешнего давления. Впрочем, правомерно предположить, что и Москва, и Пекин считают такую поддержку обязательной для себя, поскольку понимают, что, позволив «задавить партнера», сами превратятся в легкую мишень. Здесь, похоже, формируются своего рода неписаные, но важные взаимные гарантии, которые с полным правом можно назвать именно стратегическими, потому что они касаются вопроса о долгосрочном позиционировании друг в отношении друга. Ни Россия, ни Китай не стремятся к обязывающему альянсу, который требовал бы полной солидарности по всякому вопросу и принятия любых рисков, создаваемых одним из партнеров. Иными словами, Пекин не «впишется» за Москву из-за Крыма, сохраняя позитивный нейтралитет, а Россия не согласится с претензиями КНР в Южно-Китайском море, не поддерживая и его оппонентов². Но растет

---

¹ *Freeman Ch. W. Things Fall Apart: America, Europe, and Asia in the New World Disorder.* URL: <http://chasfreeman.net/things-fall-apart-america-europe-and-asia-in-the-new-world-disorder/> (accessed date: 21.12.2016).

² Выступая в МГИМО 23 марта 2013 г., Си Цзиньпин впервые обнародовал идею «создания международных отношений нового типа, сердцевиной которых являются сотрудничество и взаимный выигрыш». В наши дни китайские политические комментаторы подчеркивают, что эта идея стала отправной точкой всей внешнеполитической концепции Си Цзиньпина. Ее производной стала концепция «отношений нового типа между большими государствами», которую Китай предлагает ныне в качестве основы взаимодействия с США. В китайских публикациях подчеркивается, что стратегия «международных отношений нового типа» Си Цзиньпина была использована за минувшие три года для продвижения сотрудничества Китая с Россией, США, Европой. Пока, впрочем, контуры таких отношений намечаются только в российско-китайском случае. (习近平在莫斯科国际关系学院的演讲(全文). 24.03.2013. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0324/c1024-20892661.html> (accessed date: 21.12.2016).

уверенность, что Китай «подставит плечо», если санкции подтолкнут экономику России на грань коллапса, а Россия не позволит подвергнуть Китай прямому военному-словому шантажу, если отношения на Тихом океане по какой-то причине резко обострятся.

При этом не стоит питать иллюзий. Сохраняя стратегическую лояльность Москве, Пекин остается крайне неуступчивым партнером, когда речь заходит о его практических интересах. Отстаивает он их предельно жестко, не делая скидки на те или иные слабости визави. России предстоит постоянно доказывать Китаю свою социально-экономическую дееспособность, в которой китайские собеседники склонны сомневаться. Это делает крайне актуальным вопрос об опережающем развитии российского Зауралья, по состоянию которого вся Азия во многом и судит о перспективах России.

* * *

Осенью 2013 г. газета *The New York Times* опросила экспертов на тему «Не пережила ли НАТО время, когда она была полезной». Один из отвечавших, видный специалист по военным темам Эндрю Басевич, высказал мнение, что США пора выйти из альянса, поручив европейцам самим заботиться о собственной безопасности¹. Аргумент заключался в том, что все задачи, которые стояли перед блоком при его основании, выполнены, а «новые функции», которые НАТО пытается освоить в XXI в., на деле — не более чем прикрытие односторонней и вполне имперской политики Соединенных Штатов по всему миру, а отнюдь не в Европе.

Буквально через пару месяцев после этой дискуссии история будто бы завертелась обратно, и европейская тема в альянсе вновь стала доминирующей. Атлантизм, казалось бы, вернулся к истокам. Однако даже если на время удастся реанимировать концептуальную рамку противостояния Москвы и НАТО (а обе стороны явно готовы играть в эту игру, как указано выше, в том числе и по внутренним причинам), сама по себе «атлантическая трасса», о которой писал Липпман, больше не является стержнем мировой политики. Эпоха атлантизма, длившаяся со времени Второй мировой войны, завершается не потому, что преодолены противоречия, которые были ее первопричиной, а потому, что многообразный мир пошел дальше. И чем дольше участники прежнего противостояния будут пытаться все-таки поставить в нем победную для себя точку, тем больше они будут отставать от того, что американцы любят называть «правильной стороной истории».

---

¹ *Bacevich A.J.* Time for the United States to Leave NATO // *The New York Times*. 2013. September 16. URL: <http://www.nytimes.com/roomfordebate/2013/04/23/has-nato-outlived-its-usefulness/time-for-the-united-states-to-leave-nato> (accessed date: 21.12.2016).